

А. А. Атанов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЙНЫХ ОСНОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА)

Аннотация. В статье рассматриваются понятийные конструкции К. Маркса, приведенные в соответствие к понятийной системе Г. В. Ф. Гегеля. Выделяются совершенно по-разному понимаемые в России и Западной Европе понятия такие как ценность, товар, богатство и т. д. Возникает смысловое несовпадение между этими понятиями в контексте цивилизационного подхода, выраженного в системе логического анализа. В результате описание реальных структур характерных для России стали искажать, опираясь на методологию Маркса, приводя реальные структуры экономики, общественных отношений и исторического развития в соответствие с его теорией, но напомним, что понятия у К. Маркса носят общий, а не всеобщий характер (максимум строится тема общности — но основа общности заключается в другой системе ценностей). В ходе проведенного исследования было установлено, что отсутствует объект марксистской методологии в российском капитализме, а также в истории и общественных отношениях, поскольку эквивалентных марксизму структур не было в мире реальных вещей России. Такого рода структуры относятся к капиталистическому способу производства Западной Европы. В России их стали помещать в структуры идеологии, замещая реальный объект вообразимым. Таким образом, в данном случае работает категория становления, но только как порождающая эффект — бытийные и сущностные основы существуют как реальные и истинные в совершенно другой общественной системе.

Ключевые слова. К. Маркс, Г. Гегель, ценность, стоимость, богатство, понятие, товар, потребительная стоимость.

Информация о статье. Дата поступления 25 марта 2018 г.; дата принятия к печати 8 июня 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

A. A. Atanov

*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

HISTORICAL CONTEXT OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF ECONOMIC SYSTEMS (IN THE CONTEXT OF «CAPITAL» BY KARL MARX)

Abstract. The article considers the conceptual constructions of K. Marx brought in accordance with the conceptual system of G. Hegel. The author stresses that such concepts such as value, commodity, wealth, etc. are understood quite differently in Russia and Western Europe. Therefore, the semantic mismatch between these concepts in the context of civilizational approach expressed in the system of logical analysis occurs. As a result, the description of the traditional for Russia structures of economy, social relations, and historical development began to distort. This description is based on the methodology of Marx, bringing the real structures in accordance with his theory, but further the author states that the concepts of Marx are general, but not universal (at the outside, they are based on the theme of community – but the basis of community is a different system of values). In the course of the study, it was found that there is no object of Marxist methodology in Russian capitalism, as well as in history and social relations, since there were no equivalent to Marxism structures in the world of the real things of Russia. This kind of structures belongs to the capitalist mode of production in Western Europe. In Russia, they were placed in the structure of ideology, replacing the real object with the imaginary one. Thus, in this case, there is the category of formation, but it only generates an effect – existential and ontological foundations exist as real and true in a completely different social system.

Keywords. K. Marx, G. Hegel, value, cost, wealth, concept, product, usevalue.

Article info. Received March 25, 2018; accepted June 8, 2018; available online June 30, 2018.

Когда мы говорим даже о простейших основах экономики очень часто оказывается, что изучаемое явление можно понять только в рамках совершенно другой структуры, которая даже косвенно не связана с исходной, в результате, смысл анализируемой структуры оказывается совершенно другим, так как все контекстные связи оказываются незначимыми. Рассмотрим ключевые понятия политической экономии, используемые для анализа капиталистического способа производства, выделяемые К. Марксом в самом начале его фундаментального труда «Капитал». Считается, что именно там заложена понятийная структура, характеризующая капиталистическое хозяйство. Стоит отметить еще один факт, что В. И. Ленин, изучая Г. В. Ф. Гегеля, отмечал: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!» [4, с. 162]. Последуем за Гегелем и применим его методологию, чтобы понять смысл нескольких параграфов первой главы «Капитала» К. Маркса, на чем и настаивает Владимир Ильич Ленин.

К. Маркс начинает анализ капитализма (капиталистического хозяйства) с ключевого понятия, но это совсем не капитал, а товар. Причем определению товара предшествует еще одно понятие: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров»» [5, с. 43]. То есть понятийно говорится о богатстве, которое при капиталистическом способе производства выражает себя через скопление товаров. А не в капиталистическом? Далее К. Маркс переходит к определению товара. «Товар есть прежде всего внеш-

ний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле» [5, с. 43]. «Открыть эти различные стороны, а, следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития» [5, с. 43–44]. «Полезность вещи делает ее потребительской стоимостью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость или благо» [5, с. 44].

Воспроизведем определение вещи у Гегеля в контексте понятия. «Или, когда мы хотим говорить о *вещах*, их природу или их сущность мы равным образом называем понятием, которое существует только для мышления» [2, с. 86]. Перейдем к свойствам вещи по Гегелю «способность... в каком свойство вещи находится к самой вещи, — к неопределенному субстрату, который не есть истинное основание своего свойства и не определяет его» [3, с. 17]. Что-то явно не то, и совсем не так как у Маркса!

Может нам поможет определение понятия по Гегелю. «Но хотя понятие следует рассматривать не только как субъективную предпосылку, но и как абсолютную основу, оно все же может быть таковой, лишь поскольку оно сделало себя основой. Абстрактно-непосредственное есть, правда, нечто первое; но как абстрактное оно скорее нечто опосредованное, основу чего, стало быть, если надо постигнуть его в его истине, еще следует найти. Эта основа, хотя и должна быть поэтому чем-то непосредственным, но должна быть таким, которое делает себя непосредственным через снятие опосредования. Взятое с этой стороны, понятие следует рассматривать прежде всего вообще как третье к бытию и

сущности, к непосредственному и рефлексии. Бытие и сущность суть поэтому моменты его становления; понятие же есть их основа и истина как тождество, в которое они погрузились и в котором они содержатся. Они содержатся в понятии, так как оно их результат, но содержатся уже не как бытие и сущность; такое определение они имеют лишь постольку, поскольку они еще не возвратились в это свое единство» [3, с. 9–10]. Из всего вышеизложенного следует, что в методологическом плане мы можем воспользоваться только гегелевской категорией основа, если хотим провести адекватный анализ марксистских построений. В системе Маркса все гегелевские понятия утратили сущностно-бытийные основания и указания на соответствующие основы. Рефлексия в них может работать только по параметрам общего, а не всеобщего (у Гегеля акцент делается именно на всеобщее), основы, истины и результата.

Давайте проанализируем базовые тезисы К. Маркса. Мы видим длинную цепочку определений, которая должна выразить смысл или значение, то есть каждое из определений должно быть рассмотрено как понятие. Предположим, что это действительно так (хотя — это не так). Простейшая форма выражения логического понятия (напомним, «понятие вообще» по Гегелю здесь не работает) выражается через отношение общности, вида и рода. Тогда для «богатства общества» родовое понятие — товар. Хорошо. В определении товара упоминаются внешний предмет, вещь, удовлетворение человеческих потребностей, сами человеческие потребности. Тогда родовые понятия для товара — это «внешний предмет», «вещь», «удовлетворение потребностей», «потребности». Субординацию этих понятий в системе указания на одно понятие «товар» установить в рамках единого основания (форма логического понятия) или основы (онтолого-гносеологическая форма понятия) крайне сложно. Думаю, всем понят-

но, что можно предположить, что родовым понятием для «удовлетворения потребностей» возможно будут «человеческие потребности». Хорошо. Для «внешнего предмета» предположим родовое понятие «вещь». Хорошо. Но вопрос, как в рамках единого основания или основы можно соединить как «равнообъемные» понятия «вещь» и «человеческие потребности»? Предположим, что это так, но возникает несовпадение по объему понятий и их содержанию, пока не будем обращать на это внимание. Родовое понятие в этом контексте, предположим, «вещь». Но у Маркса речь идет не о вещи, а об употреблении вещи.

Способ употребления вещи указывает отнюдь не на потребность, а на дело исторического развития. Может нам поможет сноска Маркса, объясняющая этот феномен? Она выглядит так: «Вещи имеют присущее им внутреннее свойство (*vertue* — таково у Барбона специфическое обозначение потребительной стоимости), «которое везде остается неизменным; например, способность магнита притягивать железо. Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность»» [5, с. 44]. Речь идет сначала о неизменности внутреннего свойства, которое потом совершенно неожиданно превращается в полезность, то есть объем понятия вроде бы сохранен, но содержание понятия изменилось, причем Маркс добавляет к теме способности (свойства) магнита притягивать железо совершенно не связанную с ней тему открытия магнитной полярности. В одном случае ключевое внутреннее свойство — это притягивание железа; в другом случае — это полезность; в третьем случае — это открытие магнитной полярности. Во французском языке — слово *vertue* может означать добродетель, к примеру, достоинство, целомудрие, темперамент. Скорее всего, в данном контексте, — это ценность, но в весьма субъективированном значении.

Следуем понятийной цепочке Маркса. Товарное тело превращается у К. Маркса в благо. «Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости (sic!) образуют вещественное содержание богатства, какова бы не была его общественная форма» [5, с. 44]. Короче мы снова в определении доходим до родовых понятий: вещи и потребления, но также изначально определялся и товар, возникает резонный вопрос товар и потребительная стоимость тождественные понятия или нет? Получается богатство — это товары, товары — это вещи, употребленные вещи — это потребительные стоимости, потребительные стоимости — это благо. Не нужно забывать про историческое дело, и постоянно сменяющиеся основания. Может основа одна? Снова не так, обоснования разные (напоминаем про гегелевскую истину как фактор, возникающий только становлении). Вспомним про фантазии, о которых сообщает Маркс — возникает вопрос, как товарное тело может удовлетворять потребность в фантазии? Можно предположить, что это товарное тело как-то попадает в мир фантазий, но при этом совершенно очевидно, что у него будет совершенно другая форма, опосредующая субъективность. Акцент тогда делается не на материальное тело в его данности, а на то, что оно в какой-то форме способно удовлетворять потребности. Тогда свойства данного материального тела не могут быть даны как принадлежащие только вещи, возникает новая данность в системе взаимодействия «вещь — человек», (возможно, обладающая основой, а возможно нет), взятая в контексте употребления. Звучит, если мы используем аутентичную терминологию Маркса, несколько диковато.

Еще один момент, как можно отождествить внешний предмет с вещью (напомним, понятие вообще есть основа и истина как тождество бытия и сущности в процессе становления), а затем говорить о внутрен-

нем свойстве вещи. Речь идет все-таки о внешнем или о внутреннем? Чтобы усложнить анализ, имеющих-ся понятий, К. Маркс добавляет к ним такие понятия как «общественная форма» и «дело истории». Вопрос, что это за таинственное дело истории, что это за общественная форма, если в основании вещь? Тогда это не просто вещь, а вещь в истории и в общественных отношениях, в результате у нас исчезает возможность объективно определять товар, его сущностное основание попадает в историю и в общественные отношения. И тогда содержание общего понятия — это общественные отношения, а форма вещь, хотя Маркс говорит совершенно о противоположном. Объективного содержания нет и начинается игра с анализом придуманной сущности. Тогда не понятно, что такое богатство, явно не вещи, акцент начинает смещаться на тему употребления.

У Д. Кроненберга есть роман, который так и называется «Употреблено». В аналитическом плане у Маркса, если оторваться от его определений, а взглянуть на их реальное содержание, что прячут в себе определения — это темы употреблений и потребления. Ключевой в смысловом плане реального текста оказывается совершенно не тема вещи, а тема воздействия на вещь в системе употребления вещи через систему человеческих потребностей, то есть это тема реализации власти через присутствие в потреблении (так как потребность всегда определена субъективно и лишь затем оказывается обращенной к внешнему миру), причем власти абсолютно субъективной, производной совсем не от объективности вещей, а от объективности потребностей.

Чтобы потребность, для меня как для человека, была объективной, я должен знать, чего хочу, в системе собственных желаний, тогда у меня появляется возможность выбора среди «объективных» вещей, данных мне исключительно в сфере моих желаний и в контек-

сте моих желаний, возникает вариативность образа мира, избирательность вещей, идущая не от вещи, а от желаний человека. Тогда марксизм как теория социальных революций становится объяснимым, как одна из возможных теорий власти, которая никак не может претендовать на объективность, так как реализуется в сфере желаний, и объективна она только как сфера желаний. Возникают ключевые вопросы о знании, о власти, о понимании. Главное желать действительно свое, а для этого нужно знать свое и тогда никаких затруднений, связанных с выбором, не существует. Выбор становится необходимым, дело не в вещи, а в выборе, который и указывает на вещь. Игра основаниями возможна только в чистой субъективности, тогда К. Маркс понимает какие реальные основания или основы у мира, они совершенно не те, на какие он ссылается, описывая нам внешние предметы и вещи. Задача заключается в деле истории, а совсем не в ее материальном содержании.

Нестыковки на этом не заканчиваются. Хотя можно просто прочесть К. Маркса без идеологического цензора. Необходимо помнить, что «марксистские» понятия в русскоязычном «Капитале», еще более интересны. Когда переводился на русский язык «Капитал», мы получили весьма странную понятийную структуру: в перевод было введено, характерное только для текста «Капитала» на русском языке понятие стоимость, которое стали отличать от аутентичного для западноевропейских языков понятия ценность. Возникла двойственная дихотомия смысла. Выходит, что переводчик «Капитала» на русский язык Скворцов-Степанов ничего не понял про ценности капиталистического способа производства, которые прячутся за стоимостью, или же сознательно шел на создание ложной смысловой структуры. Тогда вопрос, с какой целью? В России не было капитализма в той форме, которую анализировал Маркс, отсюда гигантский интерес у отечественно-

го читателя к «Капиталу» и к марксизму. Это интерес к тому чего нет, но при этом к тому, чего ужасно хочется, чтобы быть передовым и прогрессивным, когда ужасно хочется (как больному, хочу, но чего хочу не знаю), чтобы оно было (работает тема желаний, но объект желания не объективен, его нет там, где бы мы хотели его наблюдать или найти), в результате возникает тема иллюзий и придумок, так как общественные структуры России и ее историческое дело ни в малейшей степени не соответствовали марксизму.

В результате описание реальных структур характерных для России стали искажать, опираясь на методологию Маркса, приводя реальные структуры экономики, общественных отношений и исторического развития в соответствие с его теорией, но напомним, что понятия у К. Маркса носят общий, а не всеобщий характер (максимум строится тема общности — но основа общности заключается в другой системе ценностей). Объекта марксистской методологии в российском капитализме, деле истории и общественных отношений не было, поскольку эквивалентных марксизму структур не было в мире реальных вещей России, — это структуры капиталистического способа производства Западной Европы, их в России стали (работает категория становления, но только как порождающая эффект — бытийные и сущностные основы существуют как реальные и истинные в совершенно другой общественной системе) помещать в структуры идеологии, замещая реальный объект, воображаемым. Идеологии, которые своей базой имели западноевропейское сознание и ценности. Идеологии (или точнее идеологемы, стоит вспомнить, что К. Маркс понимает идеологию как ложное сознание) и стали реальной структурой, на которую последователи марксизма в России опирались, им казалась, что они имеют дело с реальной Россией, а это была не внутренняя, а внешняя структура, как тот внешний предмет, на который

ссылается К. Маркс, объект идеологии стал в их сознании действительным, замещая собой реальный объект действительности.

Напомним базовое положение гносеологии, что предмет раскрывается либо в процессе познания, либо в процессе практики. Это не самостоятельная вещь, а результат человеческой деятельности. Кто осуществлял деятельность в отечественном марксизме, если все смысловые основания деятельности относились не к внутреннему, а к внешнему? Понятийная структура не работает, потому, что ее нет как внутренней системы соответствий объектов и вещей, все акценты сместились на вещь (которой не было), а не на стоимость (ценность). А вещь в экономике и в идеологии всегда дается только в контексте употребления, только тогда возникает благо. Чье благо? И кого употребили? Тема употребления — это тема расчленения и уничтожения, хорошо если ты в этой теме присутствуешь и понимаешь, что с тобой происходит, а если употребляют тебя? Вспомним, где жил Маркс, как он относился к Германии и к России, и тогда снова возникает тема не всеобщего, а общего. У В. И. Ленина она вылилась в тему избранного пути России, где возможен социализм, оказалась полностью нарушена даже эквивалентность системы Маркса, из сферы экономики, переведенная в сферу политики и политической борьбы, чьи риски в этой ситуации оказались максимально высоки? Ведь внутреннего в этой ситуации ничего не было, все структуры, включенные во взаимодействие, оказались внешними, причем экономические, заменились на политические.

Немного отвлечемся от темы, чтобы было понятно, о чем идет речь в системе другого контекста. Одна девушка заявляет, что она из многодетной семьи и желает получать льготы. В семье пятеро детей. Вроде бы все правильно, семья многодетная, но... Девушка говорит, что к документам приложены свидетельства о

браке ее матери, чтобы можно было понять, что она ее мать. Мать выходила замуж пять раз и от каждого брака осталось по ребенку. Семья вроде бы многодетная: пять детей, одна мать и пять отцов. Вопрос, как в тему многодетной семьи вписывается такая семья: выходит единственный критерий — количество детей у женщины. Тогда в смысловом плане непонятно, в каком качестве в этой семье фигурирует пять отцов, а они ведь реально есть. По сути дела, понятие многодетная семья в данном случае подменено понятием многодетная мать. При этом социальные льготы для такой многодетной семьи совершенно реальны. Правда за чей счет они реализуются?

В системе восприятия закон и порядок статичные понятия. Глагольные формы упорядочить, создать порядок предполагают действия, предшествующие порядку и завершение которых связывается с прекращением активности. Соблюдение порядка означает наличие порядка как некоего застывшего соответствия, например, вещи ее месту.

О. фон Бём-Баверк отмечал, «...я вправе ссылаться на факт, что настоящие блага обладают большей ценностью, чем такие же будущие, так как существование этого факта несомненно подтверждается самым поверхностным наблюдением обыденной жизни» [1, с. 174].

У Маркса был великолепный манипулятивный ход, что благо (экономическое, материальное) ждет человека в будущем. Я понимаю, что экономика — это связь с будущим через материальные потки. Но теория блага не то же самое, что теория экономики. И О. фон Бём-Баверк абсолютно прав, что для человека крайне тяжело переводить благо в обетование будущего, если он в здравом уме и трезвой памяти и общается с миром вещей, а если нет? Тогда проблема заключается в состоянии моего сознания, где я вместо структур реальности, могу быть соединён со структурами репрессии,

настоящее для меня не существует, порядок и закон меня не устраивают, и я хочу употребить, обратите внимание на слово «хочу», а истинный объект желаний совершенно не мой, желая не своего не обретаешь, а в каждый момент времени теряешь.

Пример из теории систем. Если мы представим систему дифференциальных уравнений, описывающих движение тяжелой точки в гравитационном поле, тогда мы можем воссоздать историю ее движения, если конечно знаем ее состояние в данный момент времени. Совсем иное дело, когда мы имеем дело не с обратной, а реальной системой. Такая система не обладает «абсолютной памятью», любое стохастическое воздействие приводит к утрате смысла. Стохастические процессы необратимы, и когда мы говорим о системе, мы не можем воспроизвести ее состояния в предшествующие моменты времени. Можно весьма условно описать предысторию системы или столь же условно определить ее характеристики. Именно это и происходит, когда воздействие осуществляется из качественной иной структурной определенности, оно всегда запускает только стохастические процессы, которые приводят к неопределенности характеристик системы, убирая из нее историю. Если в системе будет формироваться турбулентность, развитая турбулентность, — всегда приводит систему полному лишению памяти. Мы лишаемся возможности познать прошлое, то есть дело истории по Марксу, становится совершенно неактуальным для такой системы. Невозможно восстановить те или иные детали необратимого процесса. Вспомним, что развитие любого процесса в системе — это проявление ее самоорганизации и саморазвития. Тогда нет необходимости использовать понятие «информация». Информация нужна только тогда, когда человек желает воспроизвести процесс в силу тех или иных обстоятельств, а также когда человек желает сохранить о нем информацию, тогда используется более

медленный процесс, в социальном плане — этот процесс более консервативен. Вопрос — мы это наблюдаем во время революционных потрясений? И что в субъективном мире мы можем считать информацией?

Список использованной литературы

1. Бем-Баверк фон О. Критика теории Маркса / О. фон Бем-Баверк : пер. с нем. А. Л. Реуэля. — М. : Социум, 2002. — 283 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1970. — Т. 1. — 501 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1972. — Т. 3. — 371 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1969. — Т. 29 : Философские тетради. — 596 с.
5. Маркс К. Капитал / К. Маркс. — М. : Политиздат, 1973. — Т. 1. — 908 с.

References

1. E. Böhm Ritter von Bawerk. *Zum Abschluß des Marxschen Systems*. Berlin, 1896. 205 s. (Russ. ed.: E. Böhm Ritter von Bawerk. *Kritika teorii Marksa*. Moscow, Sotsium Publ., 2002. 283 p.).
2. Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. Berlin, 1812. 1593 s. (Russ. ed.: Hegel G. W. F. *Nauka logiki*. Moscow, Mysl Publ., 1970, vol. 1. 501 p.).
3. Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. Berlin, 1816. 279 s. (Russ. ed.: Hegel G. W. F. *Nauka logiki*. Moscow, Mysl Publ., 1972. 371 p.).
4. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, vol. 29. 596 p.
5. Marx K. *Das Capital*. Berlin, 1867. 549 s. (Russ. ed.: Marx K. *Kapital*. Moscow, Politizdat Publ., 1973, vol. 1. 908 p.).

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: atanovaa777@gmail.com.

Author

Andrey A. Atanov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Baikal State University, 11 Lenin str., Irkutsk, 664003, Russian Federation, e-mail: atanovaa777@gmail.com

Для цитирования

Атанов А. А. Исторический контекст понятийных оснований экономических систем (на примере «Капитала» К. Маркса) / А. А. Атанов // Историко-экономические исследования. – 2018. – Т. 19, № 2. – С. 167–181. – DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(2).167-181.

For Citation

Atanov A. A. Historical Context of the Conceptual Foundations of Economic Systems (In the Context of «Capital» by Karl Marx). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2018, vol. 19, no. 2, pp. 167–181. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(2).167-181. (In Russian).